

ПЕРСОНА

Общая инт. - 1996. -
3 окт. - с. 11.

Все спеть и все успеть

Это жизнь мотылька...

ГОСТЕЙ Елены Камбуровой встречает искусно составленная икебана из карликовых деревьев — прямо на лестничной клетке, возле квартиры. В прихожей гостей Елены Камбуровой приветствует спокойный звон множества колокольчиков. Из комнаты Елены Камбуровой навстречу гостям с дружеским лаем выбегает белая собачка. А пришел корреспондент «ОГ» в гости к Елене Камбуровой, чтобы поговорить обо всем понемножку: о «Театре музыки и поэзии», о друзьях и коллегах, о профессии и судьбе. Камбурову разговорить оказалось трудно, но зато в какой-то момент вопросы стали уже не нужны. «Как будто поет, — подумал корреспондент «ОГ», — «интервью-песня».

Первый куплет

Сама удивляюсь, сколько места в моей жизни занял «Театр музыки и поэзии». Ведь эту идею я даже не могу назвать своей, ее мне подсказали журналисты. Я много езжу по стране, и как-то в одной из поездок вышла статья о моем выступлении, которая так и называлась — «Театр Елены Камбуровой». Потом еще — и с тем же заголовком. Теперь я уже не вижу в этом ничего удивительного: ведь песни — это явление, в общем-то, драматического порядка, они требуют актерских красок, и театр моих песен существовал всегда — я это чувствовала. Но несколько лет назад «Театр музыки и поэзии» перешел в новое состояние — стал коллективом исполнителей, которым важно найти свой стиль, своих слушателей. Он регулярно «дает представления», но до сих пор публике приходится эти представления «отлавливать». Одно время нам почти дали зал на Новом Арбате, даже газеты об этом написали, но решение мэрии не понравилось Министерству угольной промышленности: им такое соседство совсем не по душе. И теперь мы снова с пустыми руками. Но ходить, писать, доказывать — необходимо, ибо ни в чем я так не уверена, как в том, что помещение для такого театра необходимо и нам, и нашим зрителям.

До сих пор широкой публике я известна лишь по «Гренаде», «Орленку», «Электронике», заставке к «Ералашу», «Спокойной ночи, малыши» и другим песням из кино. Чтобы было иначе, нужны менеджеры, реклама, а все это работает на другую эстраду и, возможно, так и не коснется меня всерьез. Но тем, кто сейчас только начинает, я искренне желаю другой участи.

Второй куплет

Слово формирует сознание. Если часто что-то произносишь, то желаемое сбывается. Мы начали говорить «театр песни» и песни сами стали приходить к нам — именно те песни, которые выражают магию театра. Ведь есть театр представления и переживания. И, конечно, мне ближе театр духовный, исповедальный. В нем может не быть декораций, но он объемней по сути своей. Французский актер Серж Реджани, уже будучи знаменитым, вдруг уходит в песенный жанр — «потому, объяснил он, что иногда пять песен могут сказать больше, чем несколько спектаклей». И как прекрасно, что в песенной Франции существует концертный зал «Олимпия», который открывает свои двери для тех, кто работает в жанре песни, о которой мы и ведем речь, песни, в которой и слово, и музыка требуют от исполнителя существования по законам театра. Правда, за последнее время эта традиция, увы, пошатнулась... Влияние американской поп-культуры распространилось и на Францию. Мне кажется, что этот жанр может прекрасно существовать у нас, где для этого есть все условия. Ведь у нас так много людей, умеющих чувствовать и понимать поэзию. Может быть, традиция этой песни вообще в основе русской песенной биографии и до сих пор она не состоялась лишь из-за идеологической цензуры в прошлом и коммерциализации искусства сегодня. Были лишь одиночки — Александр Вертинский, Булат Окуджава, Юлий Ким, Новелла Матвеева, Александр Галич, Владимир Высоцкий...

Третий куплет

Сейчас в моем поле зрения около двадцати молодых исполнителей. Многих я открыла для себя на конкурсе актерской песни имени Андрея Миронова. На концертах мы стараемся создать дружескую атмосферу, которая к концу концерта объединила бы всех. В театре существуют «люди моего карасса» — это

очень важно. А формы этого взаимодействия могут быть разными — спектакли, джем-сэйшны, «действия»... Кто знает, может быть, в этом кругу когда-нибудь появится русский Жак Брель.

Вписываясь в общий замысел «Театра музыки и поэзии», каждый из артистов занимает в нем какую-то свою нишу: Ярославу Здорову подвластен классический вокал (у него редкий голос — контртенор), дуэт «Верлен» или Александр Луцки уходит далеко за рамки бардовской песни, Наталья Бондарь искусно театрализует фольклор, Инна Разумихина умеет собрать в своем голосе весь трепет и нежность музыкально-поэтических строк. Общее же для всех — предельная выразительность, примерно так я называю профессионализм.

Мне очень неловко, когда мне говорят, что кто-то из них мне подражает. Я лишь пыта-

юсь сделать так, чтобы их судьба была не такой сложной, как моя, чтобы они были востребованы временем. Ведь певец должен все успеть и все спеть в этой жизни. Он не может рассчитывать на славу после смерти. Зачастую — это жизнь мотылька. И я очень верю в свою легкую руку, у меня на счету уже много людей, которым я пожелала удачи и которые ее достигли.

Припев

Я часто смотрю на свою жизнь со стороны, как бы говорю себе «она»: вот, жил такой человек Лена и вот что эта Лена делала. Неизменное впечатление от таких просмотров — хороший черновой вариант. «Ай да Пушкин» — такого я себе сказать не могу. Хотя, впрочем, бывают моменты...

Четвертый куплет

Для меня тяжесть усилий — ценнейшая вещь. Но по настоящему результативна она только в соединении с мастерством. Я получаю наслаждение как зритель, когда вижу старания какого-нибудь самодельного певца, актера. Но без техники пения, без умения владеть жестом песни меркнет, теряет свой полет, потому лучше просто отказываться от вещей, которые не по силам. Ведь есть певцы, у которых совсем небольшой голосовой диапазон, но они просто не выходят за его границы и не выдают себя.

Я прохожу эту школу позитивно. Для меня каждый

концерт — это возможность чему-то научиться. У меня был маленький диапазон, у меня было всего два жеста — руки в стороны и руки за спину. В газетах тогда писали про «скудность жеста», а это был просто пластический зажим. Поначалу в эстрадно-цирковом училище, где из меня пытались сделать то колоратурное сопрано, то меццо, я просто сбежала с уроков вокала и перешла на декламацию. Но тем не менее «мои университеты» начались. И в итоге ничто не прошло зря — в цирковом училище я впервые ощутила, как важна точность во всем, что ты делаешь на сцене, и этому научили меня будущие артисты цирка, которые целыми днями оттачивали свои номера, трюки. Да, голос мой определенно кое-чему научился, но одну проблему я преодолеть не в состоянии: я до сих пор не могу работать в неудовлетворительном акустическом режиме. Мои песни и я в этом смысле требуем настоящего комфорта.

Последний куплет

Я до сих пор до конца не постигла, но, кажется, еще немного — и пойму, что это за чудо — музыка. Она действительно может все. Если слово все-таки имеет границы, то музыка — это сам космос. Музыка не знает времени. Когда я пою какую-нибудь старинную песню, то каждый раз ловлю себя на ощущении, что тех веков, которые прошли со времени ее написания, как будто никогда и не было, что это здесь и сейчас. Пишу ли я? Вроде, нет. Но иногда идешь по улице, и вдруг такая мелодия прелестная, и прямо видишь, как она мимо тебя проплывает...

Предпочитаю петь стихи не в переводах, а оригиналы: моя нежность к автору столь велика, что мне хочется произносить те же слова, которые шептали его губы в минуты озарений. Но самое прекрасное, когда уже на сцене ты забываешь, кто написал ту или иную песню. Происходит «хороший обман», и это самый прекрасный момент — песня становится твоей плотью и кровью. И тут профессия уже почти ни при чем: твои профессиональные навыки работают уже независимо от тебя, а на первый план выходит человеческое. Песня становится молитвой, живой сутью. Я ведь действительно отношусь к песням как к живым существам, которые даже обижаться умеют, если их оставляешь надолго. Именно поэтому у меня такой большой репертуар: я не могу расставаться с песнями.

Беседовал Дмитрий СОКОЛОВ

